

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторник 27 сентября 1881
15 сентября

Отдельные номера продаются по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 номера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 номера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Мечты русскаго правительства по искорененію крамолы и мѣры дѣйствительно способности водворить въ Россіи внутренній миръ. — 2) Историческая Польша и великорусская демократія, V. М. Драгоманова. — 3) Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ передъ конгрессомъ международнаго общества литераторовъ. — 4) Политическія письма (письмо третье), г-ла Б. — 5) Письма о рабочемъ движеніи, V.

Женева, 27 сентября.

По свѣдѣніямъ англійскихъ газетъ между Россіей, Германіей и Австріей ведутся переговоры о выдачѣ цареубійцы и къ обсужденію этого вопроса будутъ приглашены кабинеты англійскій и французскій. Есть даже извѣстіе (Morning Post), что Франціи и Англіи угрожаютъ какія-то репрессаліи (!) въ случаѣ отказа съ ихъ стороны дать согласіе на выдачу цареубійцы. Какъ ни мало вѣроятно подобное извѣстіе, по одного его появленія на столбахъ иностранной газеты было достаточно, чтобы вызвать тревогу въ средѣ французскихъ публицистовъ. Газета «France», которую можно считать выразительницею *средня* мнѣнія французскаго общества, говоритъ по этому поводу:

„Разумѣется, мы не сторонники цареубійства. Монархъ, какъ всякій другой человекъ, можетъ ожидать защиты отъ преступленія. Его жизнь не должна находиться à la merci убійцы, собственной властью ставящаго себя судьей и палачемъ, призывающаго главу государства на судъ передъ своею совѣстью и приводящаго въ исполненіе приговоръ, который онъ осмѣлился произнести во имя своей горделивой непогрѣшимости.

„Убійство есть всегда убійство, и, какъ таковое, оно входитъ въ разрядъ случаевъ выдачи, условленныхъ между большинствомъ европейскихъ государствъ.

„Но гдѣ же тѣ преступники, что убили императора и избѣгли страшнаго искупленія своей вины?

„Развѣ смерть Александра II не была отомщена казнью Кибальчича, Михайлова, Желябова, Рыскакова и Софін Перовской.

„Развѣ другіе раньше ихъ не заплатили жизнью за фанатическую борьбу съ самодержавіемъ?

„Развѣ Сибирь не заключаетъ въ своихъ рудникахъ, никогда не возвращающихся попавшія въ нихъ жертвы, тысячи русскихъ и поляковъ, побужденныхъ въ битвѣ за освобожденіе?

„Развѣ Нобилингъ, стрелявшій по германскому императору, не спитъ вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ той же нѣмецкой земли, которую онъ обогрѣлъ королевскою кровью?

„Пусть покажутъ намъ тѣхъ убійцъ, которымъ удалось избѣгнуть кары.

„Когда намъ представлять ихъ уличенными въ преступленіи и не наказанными, тогда, смотря по обстоятельствамъ, мы будемъ въ состояніи приступить къ обсужденію вопроса. Въ настоящую минуту, этотъ вопросъ не существуетъ“.

Да, этотъ вопросъ не существуетъ и не долженъ существовать для нынѣшняго русскаго правительства. Онъ не существуетъ потому, что дѣйствительный виновникъ смерти императора Александра II, также какъ и Нобилингъ, спитъ непробуднымъ сномъ въ нѣдрахъ той самой земли, которую онъ обогрѣлъ императорскою кровью. Онъ не долженъ существовать потому, что укрывшіеся отъ преслѣдованія виновники взрывовъ полотна московско-курской желѣзной дороги и кордегардіи въ зимнемъ дворцѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ цареубійцы, но лишь какъ виновники различныхъ по своимъ послѣдствіямъ преступныхъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами, ограждающими общественную безопасность. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ вовсе не было пострадавшихъ, а въ другомъ пострадавшими лицами являются не царственныя особы, а крестьянскія семьи и люди военнаго званія изъ той же крестьянской среды.

Понятно, что переговоры, ведущіеся между правительствами трехъ императоровъ и намѣреніе привлечь къ участию въ этихъ переговорахъ правительства Англіи и Франціи клонятся къ установленію точныхъ правилъ о взаимной между державами выдачѣ не однихъ только цареубійцъ, но и

всѣхъ вообще враговъ существующаго порядка вещей, замышляющихъ насильственные перевороты. Желаютъ дружнаго преслѣдованія всѣми великими державами всякихъ политическихъ заговоровъ. Желаютъ установить нѣчто въ родѣ новаго *священнаго союза* для подавленія всякой революціонной дѣятельности, и наивно думаютъ, что достигшія свободныхъ учрежденій путемъ революціи такіе государства, какъ Англія и Франція, примкнутъ къ этому союзу! Но кто думаетъ? Такая блажная мысль не могла придти въ голову ни государственному канцлеру Германіи, ни цесю — п. трансъ-лейтальскимъ министрамъ Австро-Венгріи, потому что общественная совѣсть въ этихъ конституціонныхъ государствахъ не можетъ возмущаться заговорами противъ монархическаго абсолютизма. Развѣ государственные люди этихъ странъ не понимаютъ, что въ глазахъ республиканской Франціи заговоръ противъ монархизма, даже конституціоннаго, не составляетъ преступленія? Англія же никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не поступалась своимъ правомъ свободной страны, давать убѣжище политическимъ изгнанникамъ. Наконецъ, нельзя же въ самомъ дѣлѣ быть на столько наивнымъ, чтобы серьезно согласиться на заключеніе договора, не основаннаго на взаимности. Но кто же изъ политическихъ дѣятелей, преслѣдуемыхъ въ Германіи или Австро-Венгріи, укрывался когда нибудь или станетъ укрываться въ Россіи, которая давала у себя убѣжище только гонимымъ революціею архи-монархистамъ и ученикамъ Лойолы? Очевидно, что на данцигскомъ собраніи германскимъ канцлеромъ была сыграна шутка съ русскими дипломатами и таже участь ожидаетъ послѣднихъ и на предстоящемъ свиданіи царя съ австрійскимъ императоромъ. Цѣною жизненныхъ интересовъ Россіи будетъ заплачено за обманчивое обѣщаніе стать жандармомъ царизма на Западѣ, не включая и Бисмарка. Оскорбивъ своими домогательствами достоинство свободныхъ странъ, возстановивъ противъ себя свободныхъ мыслителей и революціонныхъ дѣятелей всѣхъ націй, петербургское правительство

по прежнему останется одно въ затягиваемой имъ борьбѣ съ своею домашнею крамолою, одно, во образѣ своего чиновничества, дипломатическаго, военнаго, гражданскаго и духовнаго, отъ котораго не перестаетъ отрешиваться и отплываться вся земля русская, все общество, пеловинное въ коронной службѣ, весь народъ, стоупий подъ гнетомъ правительственнаго произвола.

Сбылось то, чего мы ожидали, что мы предсказывали. Толкаемое внизъ по наклонной плоскости похотію мести и удупленія общественной самодѣятельности, наше правительство осталось глухо къ голосу справедливости и государственнаго смысла. Присланные изъ Берлина статуты большаго и малаго осадныхъ положеній легли въ основаніе его внутренней политики умроторенія. Не успѣвъ завѣщанный новѣйшему режиму министерствомъ „новыхъ вѣяній“ статскій секретарь Кахановъ окончить свои работы по кодификаціи „чрезвычайныхъ мѣръ“ и „упорядоченію“ административной ссылки, какъ эти работы получили силу закона и кодифицированныя чрезвычайныя мѣры высочайше повелѣно примѣнить къ обѣимъ столицамъ, къ губерніямъ, гдѣ происходили безпорядки противъ евреевъ, и къ мѣстностямъ съ ними смежнымъ (какъ напр. губ. Волынская).

Не имѣя подъ рукою этого документа чиновничьей изобрѣтательности по части утѣшенія, гдѣ, какъ говорятъ, въ видѣ всеобъясняющаго аргумента подтверждается всѣмъ и каждому о незыблемости самодержавія (въ *третій* разъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ новаго царствованія), не беремъ судить о превосходствѣ систематизированнаго отказа въ гарантіяхъ личной и общественной свободы передъ бессистемнымъ нарушеніемъ этихъ гарантій въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго царствованій. Для живущихъ въ Россіи и охраняемыхъ отъ золъ революціи вѣрноподанныхъ чрезвычайныя мѣры все же служатъ препятствіемъ къ пользованію предоставленными имъ нормальными правами, и безъ того не богъ вѣсть какими пирогами; для нихъ административная ссылка, неупущенная въ принципъ, продолжаетъ быть тяжелою карою и несправедливою угрозою въ случаѣ малѣйшаго съ ихъ стороны отпора правительственному произволу или беззаконію отдѣльныхъ агентовъ власти. На сколько же, послѣ этого, могутъ успокоительно дѣйствовать на общество эти кодифицированныя чрезвычайныя мѣры и эта упорядоченная административная ссылка? И первыя и послѣднія очевидно могутъ успокоить только тѣхъ, кому хорошо живется въ обетановкѣ, поддерживаемой нынѣшнимъ социально-государственнымъ statu quo, которые хватаются за это statu quo, какъ утопающій за соломенку. Но каково же тѣмъ, кому не въ могоу стали существующія социально-государственныя отношенія, кто возстаивалъ, возстаетъ и будетъ возставать противъ этихъ отношеній, кто отвернулся отъ прошлаго, никогда не жилъ настоящимъ

и можетъ жить только надеждой на лучшее будущее, идеей о болѣе справедливомъ, болѣе человѣчномъ социально-государственномъ строѣ? Вѣдь успокоеніе общества состоитъ именно въ успокоеніи наиболѣе культурной, наиболѣе передовой его части, неудержимо стремящейся къ прогрессу; успокоеніе народа состоитъ въ облегченіи гнетущихъ его тягостей, въ устраненіи тѣхъ отношеній, которыя отдаютъ массу въ кабалу отдѣльнымъ личностямъ, отдаютъ присущую человѣческой природѣ свободу совѣсти, мнѣнія, слова и дѣйствія на съѣденіе произволу, регламентирующему во имя интересовъ чуждыхъ народной жизни или ради охраненія безопасности и благоденствія лицъ, сидящихъ паразитами на народномъ тѣлѣ.

Когда хотятъ успокоить взволнованнаго человѣка, то прежде всего стараются отвлечь его мысли отъ причинъ его душевнаго потрясенія и направляютъ его силы на дѣятельность, которой онъ могъ бы отдать все свое вниманіе. Развѣ не такъ же слѣдуетъ поступать и съ обществомъ, — собирательнымъ цѣлымъ человѣческихъ индивидуумовъ? Потрясеніе въ массахъ и въ рядахъ интеллигентной молодежи, постепенно замыкавшейся въ тѣсныя революціонныя круги съ возраставшею въ нихъ страстію разрушительной работы, произведено у насъ хищническимъ строемъ промышленной жизни и государственнаго управленія, а также изъ году въ годъ, въ теченіе 15 лѣтъ, усиливавшимся гнетомъ административнаго произвола. Народъ раззоренъ; есть цѣлыя мѣстности, гдѣ рѣдкая семья изъ интеллигенціи не насчитываетъ своихъ членовъ въ длинномъ синодикѣ казенныхъ, подвергнутыхъ заключенію и ссылкѣ, по суду и безъ суда. Развѣ этотъ раззоренный народъ, развѣ эти повергнутыя въ отчаяніе семьи успокоятся тѣмъ, что еще нѣсколько тысячъ другихъ пойдутъ въ Сибирь, въ тюрьмы, на висѣлицу или падутъ на площадяхъ, застрѣленные войсками на законномъ основаніи, въ силу установленныхъ для той или другой мѣстности чрезвычайныхъ мѣръ? Успокоеніе придетъ, когда у каждаго отяжелетъ отъ сердца, когда каждый получитъ возможность возвратиться къ прерваннымъ занятіямъ и работать, подъ покровительствомъ свободы труда, передвиженія, ассоціаціи, свободы совѣсти, слова и самоуправления, работать на себя и на пользу общую.

Уничтоженіе всякихъ чрезвычайныхъ мѣръ и административной ссылки въ особенности, забвеніе прошлаго, т. е. возвращеніе семьямъ еще уцѣлѣвшихъ въ ссылкѣ и въ заключеніяхъ ихъ членовъ и всеобщая амнистія, — таковы мѣры внутренняго умроторенія, диктуемыя здравымъ политическимъ смысломъ. Въ интересахъ собственной безопасности должно требовать этихъ мѣръ все русское общество, не поддаваясь обману и заблужденію, будто бы *систематизированное* осадное положеніе и *упорядоченная* административная ссылка въ состояніи заступитъ мѣсто дѣйствительныхъ гарантій спокой-

ствія и порядка — т. е. свободы личной и общественной самодѣятельности и суда общественной совѣсти надъ нарушителями гражданского мира.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

У.

Представленное выше критическое отношеніе Герцена къ польскому историческому патриотизму и его социально-демократическое федеральное всеславянство не встрѣчали себѣ ни малѣйшаго отзыва въ польскомъ обществѣ, ни даже, — какъ мы помнимъ по собственнымъ наблюденіямъ изъ временъ нашего студентства (въ Кіевѣ, 1859—1863) среди молодежи. Въ польскомъ обществѣ и печати царствовало безъ соперника убѣжденіе, что „Литва и Русь“ интегральныя части Польши, — а среди польскихъ демократовъ господствовало убѣжденіе, что социальный переворотъ и даже какія нибудь уступки крестьянамъ необходимо дѣлать, соображаясь съ ходомъ вопроса о возстановленіи Польши; — а такъ какъ это возстановленіе требовало дѣятельнаго участія помѣщиковъ и даже заграничной дипломатіи, — то, понятно, что даже крайніе демократы и социалисты не могли дать вполнѣ свободнаго хода своимъ социально-экономическимъ идеямъ, какъ и своимъ свободнымъ мнѣніямъ о религіи *). Казалось бы, что при такомъ корепномъ различіи въ идеяхъ, союзъ между „Колоколомъ“ и польскими революціонерами былъ не возможенъ. И однако жъ онъ состоялся.

Герценъ рассказалъ въ своихъ замѣткахъ, какъ это случилось. (Сборникъ посмертныхъ статей, 211—216). — „Если въ Россіи, говорилъ Герценъ делегатамъ варшавскаго революціоннаго комитета, — на вашемъ знамени не увидятъ *надлѣзъ земли (крестыянамъ) и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ*“. — Вы будете нами довольны, — отвѣчали делегаты. — Такой разговоръ происходилъ уже послѣ редакціи прокламаціи, которая должна была появиться въ „Колоколѣ“, какъ отвѣтъ на письмо польскаго революціоннаго комитета. Въ отвѣтъ этомъ Герценъ написалъ слѣдующія рѣшительныя слова не только отъ себя, но и отъ всей своей группы: „тотъ русскій, который и на этомъ основаніи не подастъ руки полякамъ, тотъ не любитъ свободы“. Между тѣмъ, взглянувъ холоднымъ окомъ на „основанія“, начертанныя польскими делегатами, — нельзя не увидѣть, что между Герценомъ и этими послѣдними произошло крупное недоразумѣніе, граничившее чуть не съ мистификаціей.

Авторы представленной Герцену деклараціи „отъ центрального народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ, („Колоколъ“, 1 октября 1862) заявили, что признаютъ

*) См. у Герцена объ отношеніяхъ Ворцеля къ окружающимъ его „революціоннымъ недорослямъ“, (Сборн. Посмертн. Статей. 123.—125).

„право крестьян на землю, обрабатываемую ими и полную самоправность всякого народа располагать судьбою своею“. Но дальше при развитии этого положения, оказалось, что надѣлы крестьянскіе, размѣръ котораго не былъ опредѣленъ,—общались „на основаніи выкупа“. Но на этомъ основаніи еще раньше назначенъ былъ крестьянамъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ надѣлы „отъ царя“, по Положенію 19 Февраля 1861. Новаго польскіе революціонеры общались крестьянамъ—развѣ т. наз. „прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и обязательный выкупъ“,—и 2) выкупъ за надѣлы, припятый прямо на государственный бюджетъ (какъ въ Австріи), а не на взносы однихъ крестьянъ. Но къ первому склонялось само правительство, въ виду рѣшительнаго нежеланія крестьянъ, особенно на Украинѣ, продолжать какія бы то ни было обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, и требованій „царскаго выкупа“, подъ которымъ крестьяне разумѣли совѣтъ даровое для нихъ полученіе надѣловъ, а администрація разумѣла обязательный выкупъ (Основа, 1862, Сентябрь. Послѣ поѣздки на Волынь. 45) Второе напр. въ Австріи было въ сущности совѣтъ видимымъ облегченіемъ крестьянъ,—такъ какъ общее повышение податей для покрытія выкупнаго долга наложало на нихъ такую же плату, какую крестьяне платили въ Россіи въ видѣ своихъ прямыхъ выкупныхъ взносовъ. Декретъ польскаго революціоннаго правительства, изданный въ духѣ деклараціи, помѣщенной въ „Колоколѣ“, если и могъ быть гдѣ нибудь полезенъ сравнительно съ *status quo*, такъ это въ Царствѣ Польскомъ,—такъ какъ тамъ совѣтъ еще не было придумано ни патріотами—помѣщиками, ни правительствомъ общей мѣры о переходѣ надѣловъ въ крестьянскую собственность даже посредствомъ выкупа. Но тутъ этотъ декретъ имѣлъ другую слабую сторону. Онъ давалъ надѣлы, конечно, съ вознагражденіемъ помѣщикамъ, только крестьянамъ, признаннымъ сидящими на землѣ;—что же касается до безземельныхъ крестьянъ и батраковъ,—то изъ нихъ должны были получить надѣлы только тѣ, которые поступаютъ въ ряды повстанцевъ!! (Текстъ декрета см. Giller, Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 г. I, 312—312; переводы: въ *Affaires de Pologne. Exposé de la situation suivi des documents et de pièces justificatives*. 1862. Изданіе съ видомъ официального. 41—42. Em. Knorr. Die polnischen Aufstände seit 1830. Berlin. 1880. 312—313) *) Но по счету 1859 г. изъ 3.639.000 сельскаго населенія въ Царствѣ было поземельныхъ собственниковъ 6% (218.528, изъ которыхъ крестьянъ 21.944); сидящихъ на землѣ за панщину и чиншъ—55%, и безземельныхъ 37% (Zaleski. Stat. porown. Kr. Polskiego. I, 84).

*) Въ „Золотой Грамотѣ“, изданной послѣ къ „селянскому люду Подоліи, Волыни и Украины“ (Вієвск. губ.) уже нѣтъ этого условія, но вопросъ о надѣлахъ безземельныхъ крестьянъ (которыхъ тутъ было гораздо меньше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ) предоставленъ на рѣшеніе будущаго „наивысшаго сейма государственнаго“. (Giller, I 315).

Эти 37%, т. е. 1.339.403 человѣка, оставались собственныи виѣмъ благодѣяній декрета польскаго революціоннаго правительства. Русское правительство нашло потомъ для части ихъ земли, только конфисковавъ монастырскія имѣнія,—на что революціонное правительство не рѣшалось, по той простой причинѣ, что тогда бы оно лишилось поддержки духовенства, на которое всегда рассчитывали самые красные и самые вольнодумные польскіе революціонеры. Такимъ образомъ вопросъ о надѣлахъ крестьянамъ у польскихъ революціонеровъ 1862—1863 гг. оказывался сильно подчиненнымъ политическимъ соображеніямъ, въ совершенную противность всему тому, что по этому вопросу учили Герценъ и его друзья,—которые не замедлили бы назвать варшавскій декретъ 22 Января 1863 г. совершенно недостаточнымъ, если бы онъ вышелъ напр. отъ русскаго правительства.

Но если декларація польскихъ революціонеровъ по первому пункту требованій великорусскихъ демократовъ, по аграрному вопросу, были недостаточны,—то уступки ихъ по второму пункту,—по вопросу о „волѣ (западныхъ) провинцій“,—были совѣтъмъ призрачны. Уже въ самомъ заявленіи „центрального комитета“, напечатанномъ въ „Колоколѣ“ вопросъ о „полной самоправности всякаго народа располагать судьбою своею“ оказывался предпринятымъ въ пользу союза литовцевъ, латышей (винтебской и курляндской губ.), бѣлоруссовъ и правобочныхъ украинцевъ съ Польшею, по крайней мѣрѣ на время войны ея съ „Москвою“. Казалось бы „полная самоправность всякаго народа располагать своею судьбою“ должна бы обнимать собою не только свободу жить, съ сохраненіемъ автономіи, въ извѣстномъ союзѣ, но и свободу не приставать къ нему, свободу не принимать вовсе участія въ кровопролитіи, поднятомъ по соображеніямъ одного изъ своихъ сосѣдей, который добывается съ ними союза,—а если уже возставать противъ существующей политической комбинаціи, то прежде всего для себя, по своимъ соображеніямъ. Но не такъ понимали эту самоправность польскіе революціонеры: у нихъ восточные сосѣди поляковъ должны были возставать противъ „Москвы“—потому что это нужно для Польши, потому что поляки—не могутъ отъ нихъ отказаться,—а потомъ уже, возстановивъ Польшу,—и непременно Польшу 1772 г.,—сосѣди эти должны были получить свободу распоряжаться собою. Чтеніе самихъ декларацій 1862—1863 г.,—не говори уже о положеніи дѣлъ въ Галиціи, позволяетъ намъ прибавить къ словамъ „распорядиться собою“... „если только имъ это позволятъ поляки“ *).

*) Въ виду того, что нѣкоторые польскіе патріоты иногда указываютъ на нѣкоторыя права украинской національности въ Галиціи, тогда какъ русское правительство запрещаетъ печатаніе даже самыхъ невинныхъ украинскихъ книгъ, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ права, какими пользуются украинцы въ Галиціи, существуютъ не благодаря польскимъ политикамъ, а на зло имъ, признаны не польскими законами и учрежденіями, а австрійскими, и постоянно нарушаются и атакуются всею мѣстною польскою печатью, въ которой дѣйствуетъ много демократовъ—революціонеровъ 1863 г. Галицкая полиція (польская),

Вотъ въ самомъ, дѣлѣ какимъ языкомъ говорить декларація „центрального комитета“ о непольскихъ народахъ Польши даже въ „Колоколѣ“: „Мы (т. е. поляки) были лишены политическаго существованія насильственно. Мы этого насилія никогда не признавали и не можемъ признать. Поэтому мы не признаемъ ни новыхъ границъ, ни правительствъ, основанныхъ на развалинахъ нашей свободы. Для насъ нѣтъ Польши раздѣленной, для насъ Польша единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ (каково уравненіе: $x = x + y + z$, если только y и z не равны нулю!) безъ всякой гегемоніи котораго нибудь изъ трехъ народовъ. (Почему же тогда это будетъ Польша,—и почему тутъ говорится о трехъ народахъ, когда въ одной Литвѣ 1569—1772 г., было ихъ три: литовцы, латыши и бѣлоруссы?) Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ возстановленію Польши въ прежнихъ границахъ, оставляя народамъ въ нихъ обитающимъ, т. е. литвинамъ и русинамъ (только?) полную свободу оставаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ волѣ“. По истинѣ нельзя не удивляться наивности субъективизма и противорѣчіямъ, заключающимся въ этой тирадѣ,—по дальше изчезаетъ даже противорѣчивое признаніе самостоятельности „Литвы и Руси“,—и документъ просто заявляетъ, что „союзъ членовъ“ искомой Польши „существуетъ и въ настоящее время“ и что „требовать отъ насъ, поляковъ, чтобы мы не стремились къ возстановленію Польши въ прежнихъ(?) границахъ, значить, требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу нашей свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ народовъ“. Такимъ образомъ даже въ деклараціи, представленной такимъ людямъ, какъ Герценъ, вопросъ о непольскихъ народахъ старой Польши былъ поставленъ и даже собственно уже разрѣшенъ съ совершенно субъективной, исключительно польской точки зрѣнія. Но не смотря на это, даже среди демократической партіи, оказались люди, которые находили, что польскіе делегаты въ Лондонѣ уступили слишкомъ много. Такъ генераль Мѣрославскій,—лицо какъ извѣстно, вліятельное, кандидатъ демократической партіи въ диктаторы Польши,—называлъ делегатовъ, которые совѣщались съ редакціей „Колокола“,—„радикальными чиповниками Бакунина, панславистами, которые согласились на новый раздѣлъ Польши“. (См. Мѣрославскаго: „Lettre du général Mieroslawski au major Braźewicz“, и Бакунина: „Un dernier mot sur M. L. Mieroslawski. Genève. 1868“).

Конечно, въ виду совершенно цент-

—въ числѣ агентствъ которой есть тоже не мало участниковъ революціи 1863 г., позволяетъ себѣ арестовывать у крестьянъ и сельскихъ учителей самыхъ невинныхъ книжечки украинскія, какъ это дѣлаетъ и русская полиція,—а свободная польская печать не только не порицаетъ этого, какъ это все таки, хоть изрѣдка, дѣлаетъ подцензурная русская печать, а вполне поддерживаетъ совершенно противозаконныя дѣйствія польской полиціи противъ русиновъ—украинцевъ.

ралистического характера понятій польскаго общества о народахъ старой Польши, — въ прокламации 22 Января 1863, изданной варшавскимъ центральнымъ комитетомъ, который выступалъ теперь, какъ „народное правительство“, — исчезли совсѣмъ даже тѣ „тринарода“, которые показывались въ лондонской декларации, — а признавался только одинъ „народъ Польши, Литвы и Руси“ около „народа московскаго“. (Do broni więc Narodzie Polski, Litwy! A teraz odzywamy się do ciebie Narodzie Moskiewski!). И такой рѣшительный унитаризмъ находился въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ тѣмъ, что говорилось и писалось въ польскомъ обществѣ всѣхъ партій въ теченіи всего времени, предшествовавшего возстанію, особенно послѣ 1848 г. (со времени „изобрѣтенія Русиновъ“ въ Галиціи), когда польскіе ораторы и писатели развивали на всеміе лады тему: „niema Rusi, a jest tylko Polska i Moskwa“. Только уже послѣ, когда замѣчено было противорѣчіе манифеста 22 Января 1863 г., который говорилъ только о „равенствѣ и вольности всѣхъ сыновъ Польши безъ различія вѣры и племени (rodu), происхожденія и сословія“ въ одномъ „народѣ Польши, Литвы и Руси“, — съ идеей о самостоятельности непольскихъ народовъ, которыхъ тоже требовалось привлечь къ возстанію, — варшавское „народное правительство“ издало 5 Февраля особую прокламацию къ „братьямъ русинамъ“, (сочинена Гиллеромъ), но и въ ней не рѣшился не только признать русиновъ вполне самостоятельнымъ народомъ, — но даже обращаясь къ нимъ съ напоминаніемъ о томъ, будто „земля ихъ дѣлила съ (польскою) республикою общее счастье и несчастье“ (не во время ли Хмельницкаго, Палія или гайдамаковъ?) и приглашалъ не становиться виновными въ задержкѣ „возрожденія общей родины“ (Giller, I, 155). Когда въ концѣ апрѣля 1863 г. поляки приступили къ возстанію и подъ Кіевомъ и когда вопросъ объ отношеніяхъ дѣйствительной Польши къ „Руси“ получилъ особенную важность, то даже и тогда въ изданномъ „народнымъ правительствомъ“ на украинскомъ языкѣ „во имя отца и сына и святаго духа“ „Золотой грамотѣ“ вопросъ о самостоятельности „Руси“ постарались поставить какъ можно менѣе ясно. Грамота озаглавлена только: „къ люду сельскому“, — въ концѣ говорится: „къ сельскому люду Подолія, Волини и Украйны“, и только этому сельскому люду обѣщано между прочимъ „употребленіе его языка въ школахъ, судахъ и земскихъ учрежденіяхъ“, (Giller, I, 312—316) *) Подобнымъ же образомъ

*) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что вставка словъ о „свободномъ развитіи народностей какъ польской, такъ и украинской“ въ адресѣ, который подали подольскіе дворяне въ 1862 г. 1 октября въ текстъ его, напечатанномъ у г. Гиллера, (II, 398) есть просто фальсификатъ. Въ официальномъ изданіи Les affaires de Pologne этихъ словъ нѣтъ.

Приводимыхъ у г. Гиллера словъ уже потому не могли сказать подольскіе дворяне, что у поляковъ слово Украйна — употребляется только для означенія кievской губ. (см. сейчасъ въ выдержкѣ

относились революціонеры и къ бѣлорусамъ. Такъ Константинъ Калиновскій, искреннѣйшій демократъ, печаталъ въ Бѣлостокѣ въ тайной типографіи по бѣлоруски листки: Pismo ad Jaśka haspadara z rad Wilni, — но озаглавилъ ихъ: „da mużikow ziemli polskoj“. Въ пѣснѣ, для бѣлоруссовъ назначенной, писалось: „bywaj zdagowu, mużicki narodzie“, — въ другой зывалось „hu-ha wierniem Polscze!“ и т. д. (Giller, I, 326, 334, 194) *) Только 10 мая, когда уже опредѣлился (сразу) неуспѣхъ возстанія подъ Кіевомъ, — варшавскій комитетъ редижировалъ новую прокламацию, въ которой, все таки, конечно, не отступая отъ польскаго унитаризма, заговорилъ яснѣе объ „обезпеченіи братскимъ народамъ Литвы и Руси, соединеннымъ съ Польшею, самое широкое развитіе ихъ народности и языка“ (Giller, 322—323). Но это заявленіе было столь же запоздалымъ, какъ запоздалымъ было (1849 г.), послѣ всѣхъ проявленій мадырскаго централизма и исключительности, провозглашеніе равноправности народовъ Венгрии правительствомъ Кошута уже тогда, когда Паскевичъ вступилъ въ Венгрію. Мадырамъ надо было сдѣлать подобное заявленіе по крайней мѣрѣ еще въ 1840 г., а полякамъ по крайней мѣрѣ въ 1848 г., да и согласить съ нимъ всѣ предреволюціонныя дѣйствія съ того самаго времени. Тогда бы конечно, не погибло почти напрасно столько благородной крови, — но тогда бы и воззваніе 22 Января не было пропитано такимъ польско-централистическимъ духомъ и въ декларации, напечатанной въ „Колоколѣ“, не было бы столько софистики, которая тѣмъ печальнѣе, чѣмъ болѣе она была искренна.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ

ПЕРЕДЪ КОНГРЕССОМЪ МЕЖДУНАРОДНАГО
ОБЩЕСТВА ЛИНТЕРАТОРОВЪ.

Второе засѣданіе (21/2 сентября) конгресса въ Вѣнѣ международнаго общества литераторовъ ознаменовалось шумною демонстраціей довольно характеристическаго свойства. Вотъ какъ

изъ „Золотой Грамоты“ а для означенія „украинской“ народности у нихъ употребляется слово ruskі (отлично отъ rossyjski, moskiewski, великорусскій), — а также потому, что нѣкоторые изъ подписавшихъ адресъ предводителей, во время суда надъ ними въ сенатѣ, объявили, что въ присоединеніи къ Царству Польскому видятъ единственную гарантію отъ происковъ партіи „хлономановъ“, какъ тогда поляки называли сознательныхъ „украинцевъ“.

*) Кстати замѣтимъ, что пѣсни и прокламации, писанныя поляками въ 1863—63 гг. для бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ показываютъ совершенное отсутствіе реального изученія жизни и поэзіи этихъ крестьянъ и отличаются, кромѣ плохого, часто помосковленнаго языка, еще фальшивымъ тономъ: то приторно-сантиментальнымъ и салонно-клерикальнымъ, то ухорски-кабацкимъ. Тонъ этотъ вполне отвѣчаетъ характеру тогдашней пейзажно-хлоской лигатуре польской, которой не доставало вовсе здороваго народничества украинской и великорусской лигатуры.

разсказываетъ о ней репортеръ вѣнской „Neue Freie Presse“:

Во время перерыва преній по отечественнымъ вопросамъ, Ратисбонъ *) (французъ) взошелъ на трибуну. Онъ проситъ выслушать нѣкоторые его соображенія. По его мнѣнію, конгрессъ не представляетъ изъ себя только коммерческое собраніе, но служить вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессомъ братства. Онъ напоминаетъ собранію участъ Чернышевскаго, который уже давно томится въ Сибири. Его несчастье еще тяжелѣе вымолвить, нежели его имя. Не политика побуждаетъ оратора такъ говорить, но человечность. (Какой то полякъ перебиваетъ оратора словами: „объ этомъ здѣсь нельзя голосовать“. Президентъ призываетъ его къ спокойствію). Ратисбонъ оканчиваетъ предложеніемъ, обратиться къ великодушію и справедливости русскаго императора Александра III и проситъ его объ освобожденіи Чернышевскаго (Бурныя рукоплесканія).

„Бело **“ (изъ Парижа, всакивая): — Подумайте хорошенько, господа, не повредите ли вы этимъ несчастному болѣе, чѣмъ принесете пользы.

„Полякъ, который передъ тѣмъ уже говорилъ, бросается на трибуну и кричитъ: — Фальшивый совѣтъ дать намъ г. Ратисбонъ. Имъ движетъ все таки политика. Мы, поляки, не можемъ на это согласиться.“

„Бело: — Великодушная идея очень хороша, но какое произведетъ она дѣйствіе?“

„Президентъ“ хочетъ приступить къ голосованію, но Ратисбонъ всакиваетъ съ своего мѣста и кричитъ страстнымъ голосомъ: — Я не хочу голосованія, я хочу аккламации или никакого рѣшенія!

„Президентъ спрашиваетъ, желаетъ ли собраніе подавать голоса. Результатъ получается двусмысленный, но повидному склоняющійся не въ пользу голосованія.“

„На ж: — Братство обязываетъ, чтобы предложеніе было принято по аккламации или отвергнуто, но съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе не заносилось въ протоколъ.“

„Левенталь (изъ Берлина). Дѣло въ томъ, полагается ли кто изъ насъ на справедливость и благоволеніе царя.“

„Дебаты превращаются въ безпорядочное смятеніе противурѣчивыхъ возгласовъ. Сторонники и противники Ратисбонова предложенія накидываются другъ на друга съ горячими упреками и обвиненіями. Слышно какъ одинъ кричитъ: „у васъ нѣтъ братства, нѣтъ отдачи!“ — другіе отвѣчаютъ: „русскіе не могли бы возвратиться домой, если бы пришлось подавать голоса!“ — третьи восклицаютъ: „вы приносите ему погребъ, а не спасеніе!“

„Президентъ звонитъ изо всѣхъ силъ; онъ снова желаетъ приступить къ голосованію; но Ратисбонъ спѣшитъ на трибуну и провозглашаетъ въ сильномъ волненіи: — Аккламация или ничего! Голосованіе только вредитъ дѣлу и его безсмысленно! — Съ возрастающимъ возбужденіемъ онъ продолжаетъ: — Аккламация или ничего — моя честь этого требуетъ!“

„Опять возобновляется бурная сцена; противники предложенія кричатъ: — Nous allons au

*) Сотрудникъ Journal des Débats. Ред.

**) Извѣстный писатель романовъ возбудительнаго свойства для стариковъ и отставныхъ кокотокъ. Ред.